

Хорошо на Аркаиме, хорошо! Не знаешь отчего, а хорошо! И кажется тебе, задыхающемуся вместе с городской, вбитой под асфальт землей, что кто-то большой и бесконечно добрый разлил здесь покой, ощущаемый только в раннем младенчестве, когда ты был ласково прижат к доброй материнской груди. Душа — ведунья, конечно помнит и знает, кто так ласково прикасается к ней, а мне остается только гадать, отчего здесь впервые начинаешь чувствовать, что небо и воздух — живые, земля, горы, травы — живые, и вода — тоже живая!

Я обрадованно согласился на приглашение в очередной раз поехать вместе с группой из школы и городского Экополиса для посадки деревьев на территории заповедника. С ребятами я дружил — часто выступал на их встречах с авторскими песнями об Урале, Магнитке. Предыдущие поездки проходили очень организованно, с массой интересных лекций и экскурсий. Но чтобы остаться со своими мыслями и чувствами один на один с природой — и не мечталось. И в этот раз по приезде я усердно трудился вместе со всеми — собирал сучья и хворост для растопки печи и вечернего традиционного костра, ставил палатки. Трудился в поте лица, пока меня не отозвал в сторону товарищ и предложил, «пока суд да дело», подняться на гору «Сердце», возвышающуюся рядом за речкой. Сбоку к ней уютно пристроился городок археологов.

Завтрашний день обещал быть полностью загруженным работой по посадке, и посещение этой очень интересной горы в план поездки не входило. Минуту колебавшись, солидно ли наша самостоятельность будет выглядеть со стороны, я не устоял. А что — «одна нога — здесь, другая — там!» И не откладывая наше предприятие в долгий ящик, мы перешли мостик через весело журчащую речку Караганку и, выбрав склон поположе, начали наше восхождение, иногда придерживаясь за землю и стволы деревьев, чтобы не скользить по земле, густо усыпанной листвой и хвоей.

И вот мы на вершине! Интересно — внизу ни малейшего дуновения ветерка, а здесь «штормит». Явно ощущается движение потоков воздуха. Я пошел первым делом заглянуть за противоположную сторону горы: что там? А там — роскошный, аж дух захватывает, необозримый степной простор с голубым куполом неба плавно, пастельно сливающимся с горизонтом. Сердце замерло, а тело моментально расслабилось, помогая своей каждой клеточкой раствориться душе в пространстве. И я вместе с ней испытал чувство полета. Мой товарищ стоял в стороне, тоже сосредоточенно углубившись в себя.

Выбрав место поудобней, я предстал созерцанию. Да, стоило сюда забираться!

Раскрывшаяся на четыре стороны света панорама, объемная в чистейшем прозрачном воздухе, была мастерски сработана Великим Художником. Душа настойчиво запросила песню, рожденную народом, видевшим этот простор, знавшим эти степные дали. Она милостиво подтолкнула ее мне из своих непознаваемых глубин, знавших и горечь утрат и поражений, и счастье любви, и муки творчества. И во мне возникла мелодия песни, которую так проникновенно, тоскую по Родине, пел наш Тихонов-Штирлиц, уединившись у себя на даче 7 ноября в «Семнадцати мгновениях весны». И я тоже с неожиданностью выступившими слезами, сквозь сжатые зубы еле слышно замычал, застонал: «Ох ты степь широкая, ох ты степь раздольная. Ох ты, Волга-реченька...» К своему великому стыду только это и вспомнил.

Да! Товарищ удивленно оглянулся, но пораженный выражением моего лица, застеснявшись, отвернулся виновато. Будто ненароком подглядел что-то личное, сокровенное, тайное.

Долго ли, коротко ли, не отпустила нас чудесная гора со своим сказочным простором. Наконец я, приглядевшись сквозь листву деревьев к расположенному внизу нашему лагерю, заметил там отсутствие какого-то бы ни было движения. Наверное, ребят, закончивших все приготовления, увели на экскурсию. Я взглянул на часы. Вот

это номер! Наша «минутка» отлучки в открывшемся пространстве словно в другом измерении превратилась в целый час! Мы переглянулись. Видно, наши мысли совпали, так как, не сговариваясь, устремились вниз, к подножию горы.

Моя догадка подтвердилась полностью. Вся группа ушла к возвышавшемуся километрах в трех макету-фрагменту древнего протогорода Аркаима. В лагере остались

гой была врыта труба большого диаметра. Через нее вода с шумом устремлялась, падая с другого конца, и растекалась дальше, скрывалась в густых камышах. Снял кроссовки, засучил штаны трико и пошел босиком по гладким, укатанным машинами камушкам брода. Холодная водица приятно, незло щипалась. Медленно смакуя ее подошвами ног, перешел поток брода. Отдохнувшие, посвежевшие ноги никак не хотели лезть в остервеневшие кроссовки...

Кусочек ансамбля был сделан в натуральную величину старательно и с любовью. Он не выглядел примитивно, наоборот, нес в себе какую-то рациональную законченность, целостность. Глаз, скользя по его формам, принимал их, не противился восприятию и в своей глубине дорисовывал, достраивал все дальнейшие отсутствующие

ком. Если это не поможет — смой грязь ослиной мочой. Только после этого можешь взять немного чистой воды».

Очень продуманно, с учетом особенностей окружающей среды и природного ландшафта строили арии свои города. Для строительства использовали только то, что находилось на месте будущего города. Раньше здесь был лес, а глину и дерн везли именно там, где поднялся город. Перед уходом арии навели строгий порядок. Когда впоследствии город сгорел, кровля рухнула в те же ямы, откуда был взят грунт. Немного потребовалось природе усилий и времени залечить раны, нанесенные людьми, сделавшими максимум от них зависящего, чтобы помочь ей в этом. Да, пример нам, «горе-хозяевам» в мастерской Природы, прекративших без ее согласия реки

Сказал, как ударил в сердце, о речке тоже родившейся рядом с ней очень неравнодушный поэт Александр Павлов: «Тебя испил и... предал человек!..» Башик, Караганка и еще одна здешняя речка Утяганка — все они не одно столетие несут, без сомнения, свои уникальные воды в Урал (Яик).

Рассказывают, в старину из глубинки Башкирии приезжали знающие и помнящие набирать воду Башика, берущего начало из сплошных родников. Лечили кожные, глазные, желудочные заболевания. А в Рождество батюшка из церквушки недалеко от ее берега святил и раздавал воду из специально прорубленной для этого случая проруби. Мыслимо ли это сделать сейчас? Да, непростые эти скромные с виду и беззащитные теперь речки.

Я задумался о Башике, вспомни-

ЖИВАЯ ВОДА

лишь несколько добровольцев-паваров для приготовления очень непростого ужина. Ведь нужно было учесть вкусы и вегетарианцев, и питающихся раздельно, и последователей П. К. Иванова, и натуропатов.

Товарищ продолжил заниматься своей палаткой, а я, побалагурив для порядка с острыми на язычок милыми стряпухами, поколол еще немного дровишек и отправился на поиски какого-нибудь камушка себе для «души», на память. Но вот раздался голоса, и на территорию турбазы вступили наши путешественники, усталые, но довольные увиденным и услышанным.

Ужин еще не был готов, и поэтому все разбегались по своим делам, а я, искренне удивляясь своей неуемной жадности к впечатлениям и всему, что касается Аркаима, решил: будь что будет, схожу один к строению, о котором много читал. Уж больно заманчиво возвышалось оно вдали. Бог с ним, с ужином! Ведь неизвестно, когда придется еще здесь побывать. Сказано — сделано.

Я вышел на проходящую рядом с нами широкую, накатанную дорогу, ведущую к цели моего похода. Привычно взяв быстрый темп ходьбы, я скоро оставил наш палаточный городок далеко позади. Вскоре он совсем пропал из вида за холмом. Зато макет приблизился и уже можно было различить кое-какие его детали.

Дорога, сужаясь, уперлась в брод протекающей здесь древней речки Караганки. Я заметил, как далеко от ее берега были приподняты другие берега, показывающие своей отрывистой линией, какой была речка широкой еще совсем недавно.

Подождал к броду вплотную. Для основного потока реки под доро-

элементы простого, оттого великого, как небо, архитектурного сооружения. И это — в бронзовом веке! Я очень осторожно вошел внутрь. Огляделся. Из ранее прочитанного сразу узнал миниатюрную металлургическую печь. А вот это — колодец для воды, чудо инженерной мысли. Это — отсеки для жилья. По лестнице, возвышавшейся в углу помещения, я с предельной осторожностью поднялся на крышу, осторожно ступая прошел к самому ее краю. Слева, вдали, виднелось село — Александровка. Везет же людям — живут рядом с таким удивительным местом! За холмом еле заметны наши палатки, а вдали — городок археологов.

Хорошо на Аркаиме, хорошо! Терпкий запах степных трав, тепло уже клонящегося к закату солнышка, и простор, простор! Мир и покой, радость бытия. Мне ничего не оставалось делать, как снова излить свою радость песней. С редким подъемом пропел свою песню об Аркаиме: «Здравствуй, отче Аркаим, блудный сын пришел живым. Всех нас в памяти храня, может, вспомнишь Ты — меня?» Неуловимо смеркалось. Я опустил с «небес» на землю и отправился в обратный путь, удивляясь нашим предкам, проникаясь к ним искренним уважением.

Аркаим — ровесник египетских пирамид — шедевр экологического мышления древних ариев. Жители Аркаима были большими поклонниками природной чистоты и порядка. Их авестийский девиз был: «Красота, справедливость и чистота». Вода была священной. Предание из Авесты — древнего свода законов жизни ариев — учит: «Если ты чистишь посуду — подумай о чистоте воды. Сначала вытри котел насухо, почисти его пес-

ком. Да ну нас вообще! Но хочется думать и верить, что мы все-таки поумнели, раз начали обращаться к опыту далеких предков, доросли до того, что спасли Аркаим от затопления».

Так, размышляя и вспоминая прочитанное и услышанное о легендарных ариях, я опять подошел к переправе, снял обувь и миновал брод. Заметил, как симпатично стекает вода с камушков брода над трубой, образуя миниатюрные водопадики. Присел на корточки, как Гулливер, сложил ладони лодочкой, подставил их под маленький водопадик, умыл лицо, руки, намочил грудь, голову. Хорошо!

Разместившись поудобней, оглядел озерко, отметил кое-где желто-серебристое мерцание кувшинок на темно-зеленом фоне отражения густого камыша в воде. Глядя на кувшинки, вспомнил речушку детства — Башик, когда-то тоже нарядно приукрашенную и камышом, и такими же водяными цветками. Опять всколыхнулась старая печаль с виной вперемешку. При воспоминании о Башике в меня мгновенно ворвался каскад всевозможных звуков, среди которых различались и стрекот кузнечиков, и бархатное шуршание камыша, и журчание струй падающей воды. Я растворился в этих звуках, чувствуя родственную связь с этой древней, вбитой в трубу и усыхающей понемной реки с моим Башиком, безжалостно загнанным человеком в трубы и колодцы нашего государства — металлургического комбината. Мы, думая только о себе, словно живя одним днем без детей и внуков, отняли у реки даже ее название. До комбината — река Башик, при соприкосновении с человеком и производством — «канал сточных технических вод».

Пораженный, испуганно отпрянул от воды, обулся и почти бегом направился к лагерю. Что же это было? Весь в думах вернулся к нашим. Почти все, поужинав, разошлись и готовились к костру. А я был сыт и удивленным и особенно услышанным. Подошел «отметиться» к руководителю поездки. К моему удивлению она не роптала, видимо, оценила мой одиночный побег к Природе. Облегченно вздохнув, направился к своей палатке, чувствуя потребность просто посидеть и проанализировать случившееся со мной. Каково же было мое изумление, когда я увидел медленно поднимающихся мне навстречу от реки двух женщин. Они тихо разговаривали и несли за ручки большую кастрюлю, наполненную водой. Одной из них — Тамаре — и принадлежал голос, который я слышал там, далеко у переправы. Неужели эта милая древняя речушка донесла до меня, находящегося в трех километрах отсюда, голоса и разговор этих женщин, как бы записав их на свою живую магнитную ленту?

(Окончание следует).